

ПЕСТУМ И ОТКРЫТИЕ ГРЕЧЕСКОЙ АРХАИКИ

Г. Цухтригель

Археологический парк Пестум, Капаччо-Пестум, Италия
gabriel.zuchtriegel@beniculturali.it

Аннотация. В статье переосмысливается влияние храмов Пестума на археологию и философию культуры XVIII в. В частности, автор анализирует, каким образом И.И. Винкельман рассматривал то, что считал «древнейшими памятниками архитектуры за пределами Египта». Винкельман признавал некоторое сходство между искусством и архитектурой архаической Греции и Египта. Однако идею о зависимости греческой культуры от более ранних египетских образцов он принять не мог. Чтобы разрешить эту проблему, Винкельман использовал построения, объясняющие параллели между искусством Греции и Египта как результат процессов естественного развития форм искусства и архитектуры – от примитивных к более совершенным. С тех пор археология так и следует этой парадигме: например, в исследованиях ранней греческой колонизации, которые тяготеют к применению примитивистских моделей, приуменьшая значение культурных контактов греков с финикийцами.

Ключевые слова: Пестум, И.И. Винкельман, Витрувий, архитектура архаической Греции, Египет, греческая колонизация, ориентализм

PAESTUM AND THE DISCOVERY OF ARCHAIC GREECE

Gabriel Zuchtriegel

Parco Archeologico di Paestum, Capaccio-Paestum, Italy
gabriel.zuchtriegel@beniculturali.it

Abstract. The paper revises the impact of the Paestum temples on 18th century archaeology and cultural theory. In particular, the author analyses the way in which Winckelmann dealt with what he believed to be the “oldest surviving architecture in the world outside Egypt”. Winckelmann recognized certain parallels between Archaic Greek and Egyptian art and architecture. However, he would not accept the idea of Greek culture depending on older Egyptian models. In order to solve this problem, he made use of primitivist theories that explain parallels between Egyptian and Greek art as the result of natural processes leading from primitive to more elaborate forms of

Данные об авторе. Цухтригель Габриэль – директор Археологического парка Пестума. В основе статьи лежит доклад, сделанный 21 января 2016 г. в Германском археологическом институте в Риме.

Благодарю Елену Ляпустину за перевод на русский язык и сделанные замечания.

art and architecture. This paradigm has shaped the field of archaeology ever since, as for example in the case of studies in early Greek colonisation that tend to apply primitivist models while minimizing intercultural contacts with the Phoenicians.

Keywords: Paestum, J.J. Winkelmann, Vitruvius, archaic Greek architecture, Egypte, orientalism, Greek colonisation

Почему, когда речь идет о Пестуме, говорят о его «открытии заново», случившемся, по мнению большинства ученых, около 1750 г., если в действительности храмы Пестума всегда были настолько открыты взору всякого передвижавшегося по суше или по морю, что служили ориентиром для путешественников?¹

Постараюсь ответить на этот вопрос с помощью гипотезы, может быть, и не новой, но которую хотелось бы углубить. Теперь уже установлено, что так называемое открытие заново заключалось на самом деле в новом интересе, возникшем в ответ на идеи Просвещения, согласно которым архаические храмы Пестума, столь непохожие на хорошо известные римские древности, были свидетельствами первоначальной, отдаленной во времени стадии развития западной культуры или, как говорили тогда, «древнейшими памятниками архитектуры за пределами Египта»².

Но можно сказать и больше: значение «открытия заново» этих храмов можно понять только в контексте эпохи, когда по-новому и радикально была поставлена проблема протяженности во времени (темпоральности) всех форм искусства и вообще любых феноменов культуры, таких как религия, любовь, закон, мораль, знания. С этой точки зрения Пестум оказывается в центре новой мифологии истоков, характеризующей Новое время как период *post mortem Dei*.

*«Открытие заново» Пестума как открытие темпоральности
человеческого бытия*

Просвещение поставило под сомнение библейское повествование о сотворении мира, однако вскоре принялось создавать новую мифологию истоков. За осознанием того, что культура человечества когда-то, пусть и в незапамятные времена, возникла, последовали попытки вернуться к этим истокам, причем это нередко проявлялось в стремлении выявить позитивные стороны древнейших эпох — жизнь в согласии с природой, более справедливое общественное устройство, гармоничные социальные отношения. Одним из главных действующих лиц этого движения стал Джамбаттиста Вико, родившийся неподалеку от Пестума, развалины которого упоминаются в его «Основаниях новой науки». Фронтиспис последнего, вышедшего в 1774 г. издания отразил проблему, терзавшую Вико и его современников (рис. 1)³. Вместо средневекового Бога источник абсолютной истины представлен в виде глаза в солярном треугольнике. Как и многие из тех, кто внес свой вклад в новое открытие Пестума, Вико был масоном, что убедительно доказала Розанна Чоффи⁴. Из «всевидящего ока» Разума падает луч на аллегорическую фигуру — Метафизику, которая в свою очередь отбрасывает луч света на статую Гомера — самого древнего поэта, как полагал Вико. Проблема, которая проступает за этой иллюстрацией,

¹ Об «открытии заново» Пестума см. Raspi Serra 1986; Longo 2012, 17–104; de Jong 2014.

² Chiosi, Mascoli, Vallet 1986. О представлении, что храмы Пестума — самые древние памятники архитектуры за пределами Египта, см. письмо Винкельмана его покровителю Генриху фон Бюнау (Heinrich von Büнау) от 26 апреля 1758 г.

³ Gilbhard 2012.

⁴ Cioffi 2001, 23–33.



Рис. 1. G.B. Vico, *Principi di scienza nuova* (Napoli, 1744). Фронтиспис Доменико Антонио Ваккаро

состоит в том, каким образом вечный Разум взаимодействует с миром, где на всем лежит неустранимая печать временности и конечности? Что делает статуя Гомера с небесным вдохновением? Но, с другой стороны, настоящий Гомер умер много веков назад — и это нешуточная проблема!

Вико главным образом интересовали такие проявления культуры, как язык, образы и законы, и хотя автор, некоторое время живший в Ватолле, в 20 км к югу от Пестума, должен был знать дорические храмы, фронтиспис его книги прилежно воспроизводит традиционный, по существу витрувианский, взгляд на античность, ориентирующий на образцы римских древностей, хорошо известных в то время. Однако интеллектуально труд Вико, ставившего своей задачей реконструировать «естественное право греков времен варварства»⁵, готовил почву для «открытия заново» храмов Пестума, которым предстояло сыграть решающую роль, когда разговор пойдет о происхождении искусства и культуры вообще.

Чтобы понять воздействие, оказанное этим предполагаемым «открытием заново», необходимо представить себе эпистемологическую ситуацию, в которой оказалось поколение Вико. В качестве абсолютного источника истины Бог был низвергнут, если не вовсе вытеснен, вечным и сверхчеловеческим Разумом. Однако этот Разум, как показывает фронтиспис «Новой науки», именно в силу своего абстрактного и внеисторического характера не мог заменить средневекового Бога в его исторической роли творца мироздания. Таким образом, перед современниками Вико (или, точнее, за спиной у них) открывалась тревожная перспектива: если мир не создан Богом, откуда же мы? Каковы наши истоки, коль скоро мы больше не верим в библейский рассказ о сотворении мира?

Вот в таком контексте кардинально изменяется восприятие храмов Пестума. Если прежде эти самые внушительные дорические памятники Апеннинского полуострова не ценились высоко, так как считались мало соответствующими идеалам классицизма, теперь они приобретают особое значение именно благодаря своей древности и исконному характеру, сулившему возможность открыть неизвестное, доклассическое прошлое⁶.

⁵ Vico, G. *Principi di scienza nuova*. 3^a ed. T.I. Napoli, 1744. Prefazione.

⁶ Massara 1986, 102–117.

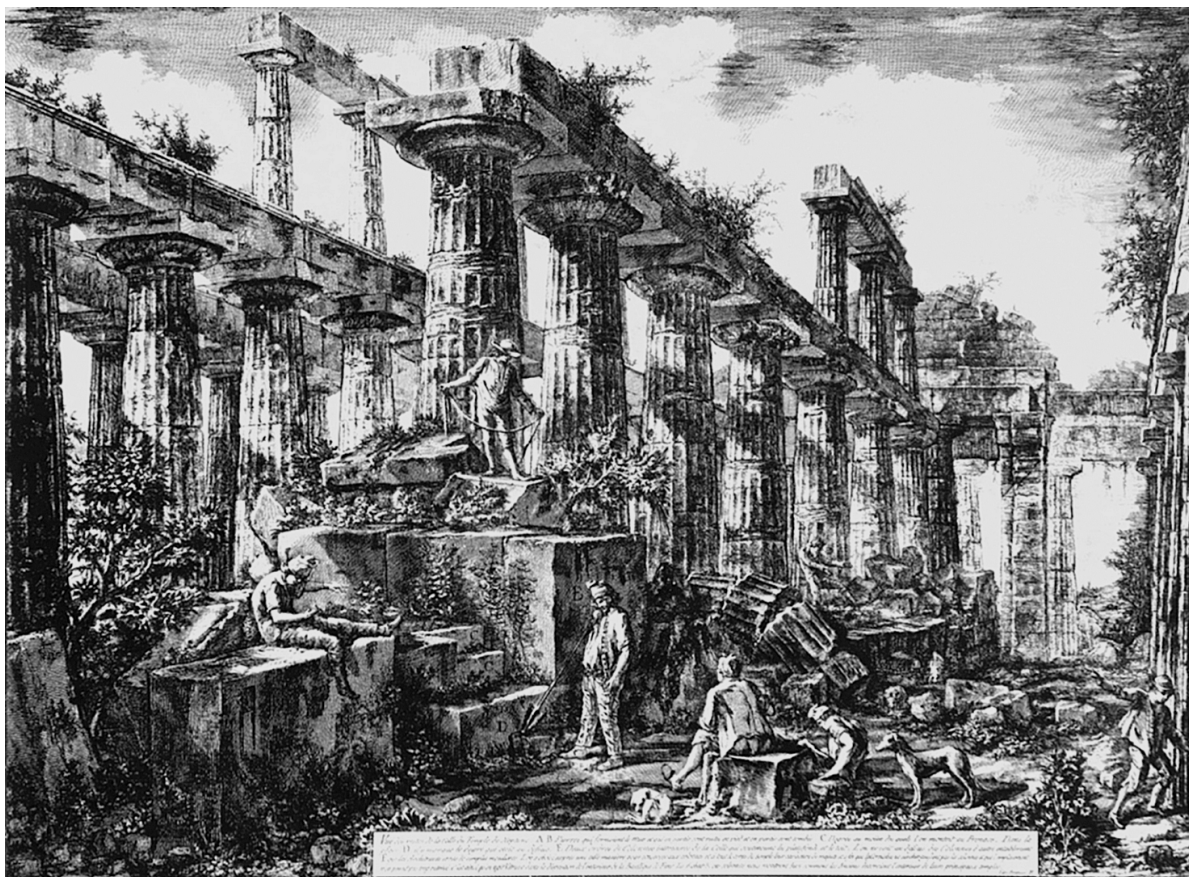


Рис. 2. Джованни Баттиста Пиранези. «Базилика» Пестума. 1778

Не случайно, что именно к этому времени относится открытие не только храмов Пестума, но и архаической культуры Греции VII–VI в. до н.э. в целом. Сначала статуи и архитектурные памятники этого периода приписывали этрускам и другим негреческим народам. Так, например, поступал Пиранези, который в последний год своей жизни выполнил серию гравюр с видами Пестума (рис. 2). Но довольно скоро пришло понимание того, что многие из этих памятников на самом деле относятся к древнейшему этапу греческого искусства, а значит, греки не родились сразу «классическими».

Тем самым «открытие заново» храмов Пестума могло также приобретать черты критики классической культуры, привязывая ее к иным, неклассическим, «диким» корням. Фигурки крестьян и пастухов, населяющие воображаемый Пестум (особенно на рисунках Пиранези), балансируют между живописным, буколическим и героическим, но кажется, что эти фигурки связаны с храмами куда теснее, чем восхищающиеся ими путешественники с Севера.

Основной вклад в концепцию архаики, которая создавалась вокруг храмов Пестума, внес Иоганн Иоахим Винкельман, прибывший туда в 1758 г. Перед «открытиями» им чудесами Винкельман не мог не испытать глубокого изумления. Того же изумления, из-за которого спустя десятилетия Гёте потребовалось провести почти час среди колонн храмов, прежде чем он смог освоиться с дорической архитектурой, чтобы потом заявить в письме Гердеру: «Пестум — последнее, я почти готов сказать — самое сильное впечатление, которое я, во всей его полноте, увезу с собой на север» (пер. Наталии Ман)⁷.

⁷ “Pästum... ist die letzte und, fast möcht’ ich sagen, herrlichste Idee, die ich nun nordwärts vollständig mitnehme” (Goethe, J.W. *Italienische Reise*. Kap. 54 [An Herder. Neapel, den 17. Mai 1787] ; cf. Kap. 37 [Neapel, den 23. März 1787]).



Рис. 3. М.-А. Laugier, *Essai sur l'Architecture* (Paris 1753; 1755). Фронтиспис. 1-е и 2-е изд.

Заслуга Винкельмана как ученого состоит в том, что после посещения Пестума он разработал историческую концепцию архитектуры и искусства древности, которой было суждено решающим образом повлиять на становление искусствоведения и археологии как академических дисциплин.

Подход Винкельмана к истокам греческой архитектуры, т.е. к так называемому архаическому периоду, стал непосредственным результатом его встречи с храмами Пестума, которые он считал самыми древними сохранившимися греческими памятниками. Немало места он уделил им в «Замечаниях об архитектуре древних», вышедших в 1762 г.⁸ Винкельман не цитирует прямо работу французского ученого Марка-Антуана Ложье, опубликовавшего в 1753, а затем в 1755 г. «Опыт об архитектуре». В этом тексте Ложье, не видев своими глазами памятников Великой Греции и опираясь только на Витрувия, предложил реконструкцию примитивной хижины, от которой будто бы и произошла архитектура дорического ордера (рис. 3)⁹.

⁸ Winckelmann, J.J. *Anmerkungen über die Baukunst der Alten*. Leipzig, 1762. S. IV–XI; 2–3; 22–28.

⁹ «Человек решает устроить себе жилище, чтобы укрыться, не погребая себя [в пещере]. Несколько веток и бревен, срубленных в лесу, – вот материал, который годится для его замысла. Он выбирает из них четыре самых мощных, расставляет вертикально по углам квадрата. Сверху он укладывает поперек четыре других, а на них устанавливает наклонные, которые с двух сторон соединяются у вершины. Это подобие крыши покрыто листвою, достаточно плотно, чтобы ни солнце, ни дождь не могли проникнуть сквозь нее. И вот у человека есть жилище! Конечно, холод и зной будут доставлять ему неудобство в доме, открытом со всех сторон; но тогда он заполнит пространство между столбами и окажется защищен. Таков простой ход вещей в природе: именно подражанию ее приемам обязано своим рождением искусство» (Laugier, M.A. *Essai sur l'architecture*. Paris, 1753. P. 12).

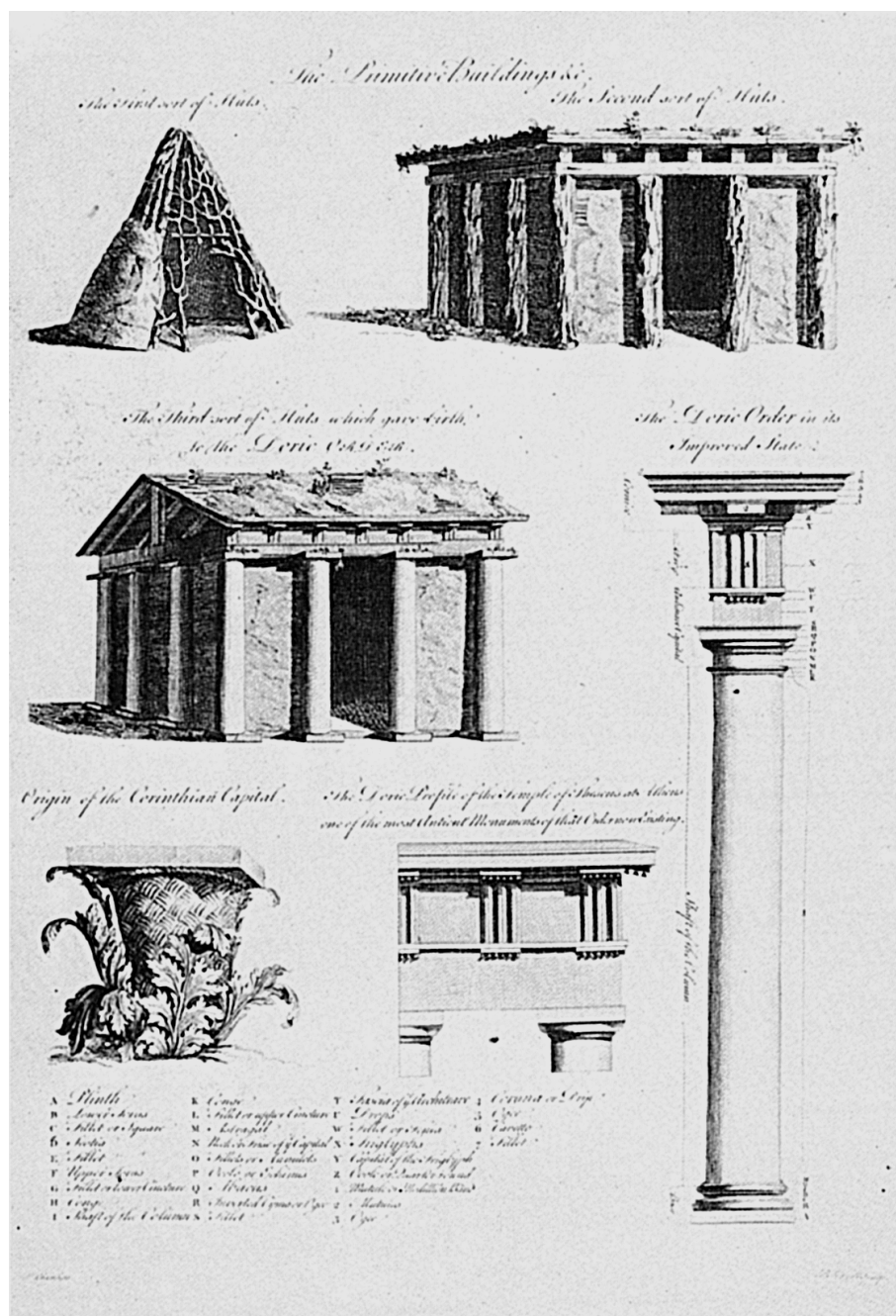


Рис. 4. Прimitивные постройки (по: W. Chambers, *A Treatise on Civil Architecture*. London, 1768)

Вместе с тем очевидно, что Винкельман идет по стопам Ложье и других ученых того времени, таких как Уильям Чеймберс (рис. 4)¹⁰, когда не только подчеркивает древность и оригинальность храмов Пестума, но и утверждает, что каменная архитектура дорического ордера ведет свое происхождение от элементов примитивных деревянных конструкций, интерпретируя таким образом Витрувия (Arch. IV. 2. 2). Тригифы оказываются не чем иным, как выступающими концами балок перекрытия крыши, колонны – деревянными пилястрами, о чем, кроме того, свидетельствует Павсаний, описывая храм Геры в Олимпии (V. 16. 1), и т.д.¹¹. Эта теория по сей день занимает в науке центральное место, хотя она неоднократно ставилась под сомнение¹².

¹⁰ Chambers, W. *A Treatise on Civil Architecture*. London, 1768.

¹¹ Winckelmann, J.J. *Anmerkungen...* S. 20.

¹² Cp. Schwandner 1996; Wilson Jones 2014.

«Замечания...» — текст скорее технический и описательный, в котором Винкельман не углубляется в вопрос об истоках, хотя и указывает несколько раз на исконный характер памятников Пестума¹³. Однако это их «первородство» ставится под сомнение в незначительном на первый взгляд замечании, в котором Винкельман подчеркивает сходство между дорической и египетской архитектурой¹⁴. В частности, он указывает на форму египетских дверей, которые сужаются вверху¹⁵. Следует добавить, что Винкельман прекрасно отдавал себе отчет в наличии хронологического разрыва между первыми монументальными постройками Египта и Греции.

И все же в целом в «Замечаниях...» указание на сходство между дорическим ордером и египетской архитектурой остается на уровне заметки на полях. Но в этом тексте мы находим по существу все элементы проблемы, которая с точки зрения XVIII в. настоятельно требовала решения: как примирить оригинальность и исконный характер храмов дорического ордера и греческого искусства в целом с возможной зависимостью от египетской архитектуры, разумеется, при соблюдении допустимой хронологии. В перспективе века Просвещения проблема заключалась в том, что не только дорические храмы Пестума, но и Парфенон с Аполлоном Бельведерским могли бы, пусть и опосредованно, оказаться обязанными своим происхождением не только греческому гению, но и изначальному негреческому импульсу.

Лишь два года спустя, в своем главном труде «История искусства древности», вышедшем в 1764 г., Винкельман взялся решать эту проблему систематическим и исчерпывающим образом. Реконструируя возникновение искусства в этом сочинении, автор главным образом обращается к скульптуре, но ход мысли полностью соответствует тому, что был проложен при изучении архитектуры. Интересно заметить, как вопрос о египетском влиянии с самого начала оказался поставлен в историографии греческого искусства, основанной Винкельманом, который, располагая совсем немногими средствами, тем не менее интуитивно пришел к пониманию того, что речь идет о вопросе ключевом и достойном внимания науки. Дискуссия продолжается вплоть до наших дней, порождая серьезные исследования, из которых назовем хотя бы два: монографию Хельмута Кириеляйса о Большом курiose с Самоса и происхождении монументальной греческой скульптуры¹⁶ и том под редакцией Манфреда Битака о соотношении египетской архитектуры и греческого храма архаической эпохи¹⁷.

Интересно отметить, как решение, предложенное Винкельманом, с тех самых пор не только определяло ход дискуссии, но и влияло на постановку проблемы в целом. Хотя знание Египта в XVIII в. находилось в самом зачаточном состоянии,

¹³ См. Winckelmann, J.J. *Anmerkungen...* S. 22.

¹⁴ Winckelmann, J.J. *Anmerkungen...* S. 37.

¹⁵ Cp. Vitruv. *Arch.* IV. 6. 1 (о дорических дверях): ...haec autem dividatur in partes XII et ex eis quinque et dimidia latitudo luminis fiat in imo. et in summo contrahatur, si erit lumen ab imo ad sedecim pedes, antepagmenti III parte... («Эта высота, в свою очередь, делится на двенадцать частей, из которых пять с половиной дадут ширину дверного проема внизу. Вверху проем суживается: если он в высоту достигает шестнадцати футов, — на третью часть наличника...» (пер. Ф. А. Петровского). В том, что касалось Египта, Винкельман, возможно, опирался на (поздние) изображения на так называемой *Mensa Isiaca*, хранившейся в Египетском музее в Турине.

¹⁶ Kyrieleis 1996.

¹⁷ Bietak 2001.

Винкельман был слишком любознателен и интеллектуально независим, чтобы не признавать некоторых параллелей между искусством и архитектурой Греции и Египта, которому, кстати, он отдавал первенство с точки зрения хронологии¹⁸. Но объяснить сходство между египетской архитектурой и дорическим ордером зависимостью греческого искусства от египетского он не мог, потому что это привело бы к кризису концепции греческого гения. Греческая художественная традиция, единственно достойная в глазах Винкельмана не только изучения, но и подражания (со стороны людей Нового времени), нуждалась в истинном, неподдельном начале, которое невозможно заменить каким-то еще более древним, выросшим на почве Африки или Азии.

Вот здесь Винкельман и вводит понятие примитивизма, или же неких художественных форм, столь простых и одинаковых, что любой народ может прийти до них без каких-либо внешних импульсов и образцов, просто в силу своей принадлежности к роду человеческому. Винкельман приводит в пример ребенка, который способен руками придать определенную форму мягкой глине¹⁹, но ясно, что точно так же примером могла послужить примитивная хижина Витрувия–Ложье. Концепция примитивизма позволяет Винкельману признавать некоторые сходства между греческим и египетским искусством, не делая при этом вывода о существовании между ними какой-либо непосредственной связи.

В этом контексте мне представляется очень любопытным утверждение Винкельмана по вопросу об отношениях между Египтом и архаической Грецией. Изложив свою теорию примитивного и автономного начала любой художественной традиции, автор добавляет, что все-таки греки не могли бы копировать египтян, потому что вплоть до времен фараона Псамметиха, т.е. до конца VII в. до н.э., посещения Египта были невозможны²⁰. Эти сведения почерпнуты из сочинения Геродота (II. 154), которое Винкельман хорошо знал²¹, но они вовсе необязательно соответствуют исторической реальности Египта Позднего периода. Но дело не в этом. Интерес вызывает скорее то, что, если подумать хорошенько, приведенное утверждение кажется в некотором смысле излишним в свете того, что сам Винкельман заявлял выше. Если на уровне понятий примитивное и архаическое искусство определяется как антропологическая предпосылка, не требующая исторических отклонений, справедливость этого не должна была бы зависеть от вопроса, могли ли греки (и с какого времени) познакомиться непосредственно с архитектурой и искусством Египта. Скорее всего, Винкельман не хотел сказать, что если бы греки могли посещать Египет до Псамметиха, то они бы скопировали статуи и храмы. Но ведь читатель при этом ни о чем другом подумать не может. Приведенный пассаж не столько подкрепляет тезис об исконном характере греческого искусства, сколько снова подвергает его сомнению: как если бы я сказал коллеге, который не может найти свой кошелек: «Уж точно его не брал никто из наших, ты же знаешь, что никто никогда не сделал бы такого», а потом бы добавил: «Впрочем, этого и нельзя было сделать: я проверил, что в твой кабинет никто не заходил».

На фоне теоретической посылки простой аргумент *ad hoc* лишь подчеркивает абстрактность любого априорного утверждения, тем самым обесценивая его досто-

¹⁸ Winckelmann, J.J. *Geschichte der Kunst des Alterthums*. Dresden, 1764. S. 5.

¹⁹ Winckelmann, J.J. *Geschichte der Kunst...* S. 4.

²⁰ Winckelmann, J.J. *Geschichte der Kunst...* S. 8.

²¹ Cfr. *Winckelmanns Werke, herausgegeben von C.L. Fernow: Erster Band, welcher die Schriften über die Nachahmung der Griechen, die kleinen Aufsätze, und die Anmerkungen über die Baukunst der Alten enthält*. Dresden, 1808. S. 123.

верность. Создается впечатление, что Винкельман не был уверен до конца в том, что заявлял, а значит, ощущал необходимость найти еще какое-то подтверждение своей теории зарождения греческого искусства. Но такое подтверждение – всего лишь придаток к уже принятой модели, основанной на исходном тезисе о первенстве греков в западной художественной традиции. Если сегодня бремя доказательства лежит на тех, кто берется рассказывать историю по-другому, как попытался сделать Мартин Бернал в своей книге «Черная Афина»²², это связано уж точно не с тем, в какой степени обогатились имеющиеся у нас данные о Псамметихе, а с общепризнанностью исходного тезиса на протяжении более, чем двух веков развития антиковедения.

Теория возникновения греческой архитектуры и искусства, построенная Винкельманом вопреки идее преемственности от Египта к Греции, опирается на антропологические и этнические факторы. Поэтому он рассматривает архаическое греческое искусство как феномен, имеющий параллели в других средиземноморских культурах, в частности в Египте и Этрুরии, *не* благодаря межкультурным контактам, но в силу естественного несовершенства и грубости любой художественной традиции на ее ранней стадии²³. При этом центральное место в этом построении занимает народ как точка отсчета для создания произведений искусства²⁴.

Таким образом, история искусства зарождается как этнография в буквальном смысле слова, как история искусства того или иного народа – и изучать начинают не античное искусство, а искусство греческое, египетское, римское, и т. д. Сегодня такой подход может казаться само собой разумеющимся, но, возможно, он показался бы странным Пиранези, который рассматривал древность как совокупность изменчивых взаимных контактов. Так, он мог налагать храмы Пестума на италийско-этрусскую матрицу, не вникая в суть вопроса о нравственном и культурном превосходстве одного народа над другим, а главным образом для того, чтобы отвоевать место в первом ряду для древностей Италии, которые он изучал на протяжении всей своей жизни²⁵. Около середины XVIII в. внимание ученых, занимавшихся греческой архитектурой, начинает смещаться в сторону собственно Греции. Отнесение храмов Пестума к италийскому и этрусскому элементу, «великолепие» которых он взялся отстаивать, было для Пиранези прежде всего реакцией на неоклассицизм. Различие в методологии проявляется в тот момент, когда венецианский архитектор без колебаний выводит истоки «великолепной» римской традиции из более древней этрусской, осуществляя тем самым тот переход от истоков классики к более отдаленному во времени прототипу, который Винкельман в своей концепции греческого искусства *a priori* исключал.

Наследие Винкельмана

По какому пути шло изучение храмов Пестума на протяжении более чем двух веков, по мере того как в геометрической прогрессии прирастал археологический материал и накапливались инструменты исследования?

Среди многих полученных данных выделяется открытие того, что третье здание, которое Винкельман рассматривал как базилику, гимнасий или палестру, на самом деле представляет собой самый древний из трех храмов Пестума и един-

²² Bernal 1987.

²³ Lavin 1992, 36–37.

²⁴ Vlassopoulos 2007, 25.

²⁵ Piranesi, G. *Della Magnificenza ed Architettura de' Romani*. Roma, 1761. P. 171.



Рис. 5. Пестум. «Базилика» (дорический храм VI в. до н.э.)

ственный во всем греческом мире храм VI в. до н.э., который сохранился так хорошо (рис. 5). Таким образом, открываются новые перспективы для изучения истоков дорического ордера, как это мастерски сделано в монографии Дитера Мертенса, посвященной этому зданию²⁶. Храм, который, вероятно, был посвящен Гере, начали строить около 560 г. до н.э., а завершили спустя несколько десятилетий. Он дал материал решающей важности для изучения ранней стадии развития греческой монументальной архитектуры.

На основе тщательного анализа Мертенс определил место «Базилики» в эволюции дорического ордера, обращая особое внимание на различия в географических условиях метрополии и колоний. Мне представляется интересным отметить, как в нескольких пунктах выводов проступает теория самостоятельного органического развития дорической архитектуры из деревянных конструкций. С точки зрения, которую представляет Мертенс, такое развитие не связано с сообразительностью самих строителей храма, за которыми признается «понимание архитектурного смысла уже полностью сложившегося дорического ордера»²⁷, — и это означает, по крайней мере, в моей интерпретации, что приемы строительства, сложившиеся в результате внутреннего развития, могут предшествовать осознанию этих приемов теми, кто их применяет. Здесь можно было бы вспомнить о Ложье, который в своем «Опыте...» старается обосновать изначальными приемами строительства характер дорического стиля, или о Винкельмане, приводящем в пример ребенка, который, лепя фигурки из глины, неосознанно повторяет первые шаги возникновения искусства. Говоря это, я не хочу поставить под сомнение результаты, полученные Мертенсом; мне хотелось скорее подчеркнуть черты преемственности в традиции изучения дорического стиля, независимо от их достоверности в позитивистском смысле.

²⁶ Mertens 1993.

²⁷ Mertens 1993, 153.

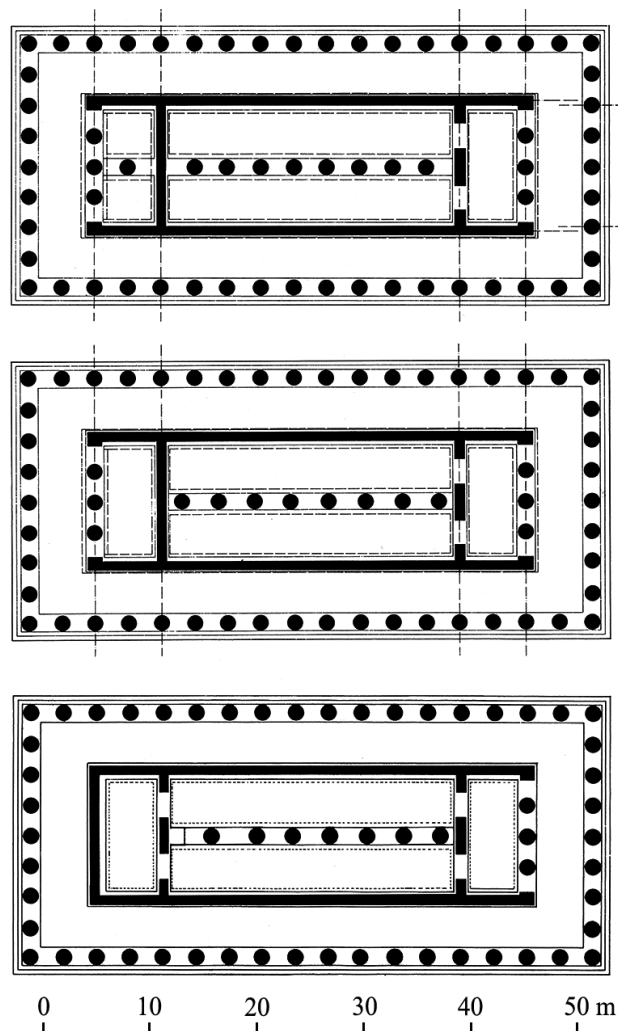


Рис. 6. Пестум. «Базилика». Стадии планировки (по: Mertens 1993).

К числу наиболее важных результатов исследования Мертенса, несомненно, принадлежит реконструкция процесса планировки и перепланировки целлы и адитона «Базилики» (рис. 6). Ряд центральных колонн разделял целлу на два нефа, как и в других архаических постройках, например, в храме В1 Метапонта или в еще более древнем храме Посейдона в Истмии²⁸. Думаю, Винкельман и Ложье были бы воодушевлены этим открытием, которое показывает связь некоторых самых ранних греческих храмов с архитектурой примитивных хижин.

Не менее интересно и то, каким образом объясняется отказ от этого элемента ради освобождения центральной оси целлы. В храме Афины, построенном в начале V в. до н.э., мы находим просторную целлу с широким пронаосом, украшенным ионическими колоннами, — решение, уже испытанное в Герайоне в Олимпии более чем на столетие раньше. После середины VI в. до н.э. целла с двумя нефами исчезает из репертуара греческой храмовой архитектуры. При объяснении этого изменения современная наука обычно подчеркивает факторы функциональности, связанные с ритуалом и эстетическими аспектами²⁹, а вот возможным внешним импульсам уделяется гораздо меньше места и внимания. А между тем не составило бы труда обнаружить образцы монументальных построек с замкнутыми пространствами с тремя целлами в Египте, хотя кровли их и не были двускатными

²⁸ Mertens 2006, 87–91.

²⁹ Mertens 1993, p. 96–97.

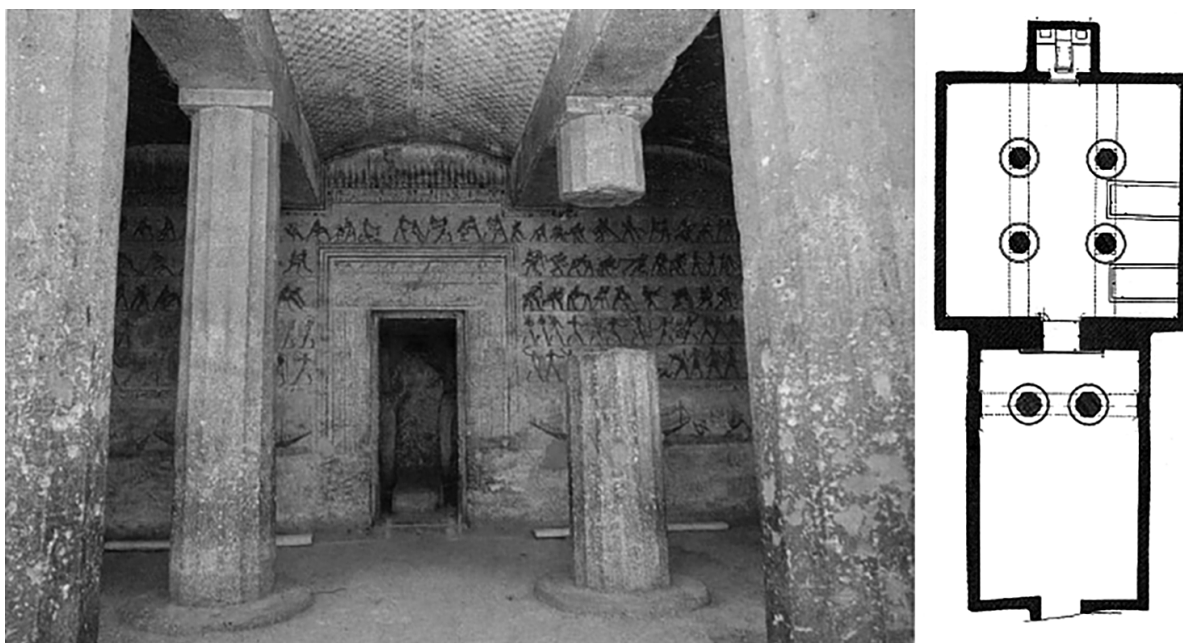


Рис. 7. Египет. Бени-Хасан. Гробница Аменемхета (XVIII династия)

(рис. 7). Однако вопрос: *самостоятельное развитие или внешние импульсы?* — кажется ныне устаревшим, исключение составляют лишь некоторые публикации, например, упоминавшийся выше том под редакцией М. Битака (2001). Впрочем, я не думаю, что этот вопрос из тех, на которые можно найти окончательный и однозначный ответ. Не существует объективного и окончательного доказательства столь абстрактного и расплывчатого явления, как египетское влияние на искусство греческой архаики. То же самое справедливо и для гипотезы самостоятельного, автономного развития, обусловленного функциональностью и строительными приемами. В обоих случаях речь идет об интерпретациях и о том, как они вписываются в культурную традицию, на примере дорических храмов Пестума. Надеюсь, читателю ясно, что своими соображениями я и не пытался дать однозначный ответ на (упрощенный) вопрос: египетские образцы или самостоятельное развитие? Скорее я хотел проследить на отдельных примерах историю одной проблемы на протяжении двух с половиной столетий археологии и истории искусства.

Наследие Винкельмана в историографии греческой колонизации?

В заключение, я хотел бы кратко остановиться на том, как можно было бы расширить рассмотрение указанной проблемы, поставив вопрос, повлияла ли — и каким образом — концепция архаики, разработанная Винкельманом на основе его впечатлений о Пестуме, на археологию и историю искусства в целом. Например, я думаю о греческой колонизации, когда задаюсь вопросом, до какой степени сегодняшний подход к рассмотрению этого явления может быть обусловлен парадигмой архаики, которую ввел Винкельман.

Подозрение, что эта парадигма дает о себе знать, кажется оправданным, если учесть, что, хотя греческая колонизация продолжалась на протяжении всего V и IV вв. до н.э., в учебной литературе она представлена как феномен, присущий именно архаике³⁰. Если хорошенько подумать, вовсе не древние авторы задали такое направление ходу наших мыслей: в античных источниках не содержится ни-

³⁰ См., например, *Lexikon der Alten Welt*, s.v. Kolonisation.

каких данных, подтверждающих гипотезу о четком различии между колонизацией в архаическую эпоху и в классический период³¹. Достаточно взглянуть на карту колонизации в эпоху классики, чтобы отдать себе отчет в значительности этого явления в IV и даже в начале III в. до н.э.

Вместе с тем, традиционная постановка вопроса в ходе обсуждения греческой колонизации неразрывно связана с концепцией колонизации как внешнего выражения мира примитивного и не слишком сложного. Предполагаемое отсутствие сильной государственной составляющей и агрессивной стратегии со стороны греческих колонистов³² нередко интерпретируют в духе мирных и равноправных отношений с местным населением³³. Широкое признание получило выработанное на основе археологического изучения материальной культуры и идеологии, отразившейся в погребальных обрядах, положение о том, что многие из самых ранних колоний возникли как поселения со смешанным населением. С точки зрения последующего развития таких общин как в Греции, так и в Италии, изменения в организации поселений, прослеживаемые по археологическим источникам раннего железного века, как правило, вписываются в некую схему эволюции в направлении все большего «усложнения», находящей свое завершение в греческом полисе классического периода³⁴. Однако это значит, что развитие греческих общин геометрической и архаической эпохи начинается в ситуации меньшей сложности, которую в случае с колониями часто описывают в рамках примитивистской парадигмы. В современных дискуссиях примитивизм приобретает особый смысл, потому что если во времена Вико первобытное общество рассматривалось как полная анархия, то сегодня мы напротив скорее склонны считать, что оборотной стороной предполагаемого недостатка сложности, или примитивности, были мирные отношения, не испорченные сложностью, присущей полису, насильственная и иерархическая природа которого становится все более ясной в рамках постколониальной концепции античной истории.

Еще можно было бы поставить вопрос, в какой мере вписывается в винкельмановскую традицию понимания архаики роль, отводимая в истории греческой колонизации и в формировании полиса в целом финикийцам³⁵. Здесь не место рассматривать подробно роль финикийцев в экспансии греков VIII–VII вв. до н.э. в западное Средиземноморье. В большинстве современных исследований этой роли не придают важного значения, предпочитая считать, что на этой стадии речь шла о разрозненных и спонтанных инициативах, не согласованных и в определенном смысле не зависящих друг от друга³⁶.

Но, даже не углубляясь в рассмотрение исторического развития по существу, мы можем задаться вопросом, не отражается ли в той легкости, с которой наука формулирует скептический и минималистский подход по отношению к роли финикийцев в колонизации и возникновении полиса, эхо путешествия Винкельмана в Пестум и того, что немецкий ученый отдавал явное предпочтение внутренней эволюции, а не импульсам извне*.

³¹ Miller 1997; Figueira 2008.

³² Ср., например, Osborne 1998; Burgers, Crielaard 2011. Критические замечания см. Greco, Lombardo 2012; Zuchtriegel 2016.

³³ См. Greco, Lombardo 2012; Zuchtriegel 2016.

³⁴ См., например, Lang 2007; Fulminante 2014.

³⁵ Cp. de Jong 2014, 174–204.

³⁶ См., например, Osborne 1998.

* Перевод с итальянского Е.В. Ляпустиной.

Литература / References

- Bernal, M. 1987: *Black Athena. The Afroasiatic Roots of Classical Civilization*. Vol. 1: *The Fabrication of Ancient Greece 1785–1985*. New Brunswick (NY).
- Bietak, M. (Hrsg.) 2001: *Archaische griechische Tempel und Ägypten. Internationales Kolloquium am 28. November 1997 am Institut für Ägyptologie der Universität Wien*. Wien.
- Burgers, G.-J., Crielaard, J.P. (a cura di) 2011: *Greci e indigeni a L'Amastuola*. Amsterdam.
- Chiosi, E., Mascoli, L., Vallet, G. 1986: La scoperta di Paestum. In: Raspi Serra 1986, 18–37.
- Cioffi, R. 2001: Riscoperta dell'antico e ideologia massonica a Napoli. In: A. Gambardella (a cura di), *Ferdinando Fuga*. Napoli, 23–33.
- Figueira, Th. 2008: Colonization in the Classical Period. In: G.R. Tsatskheladze (ed.), *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Vol. II. Leiden, 427–523.
- Fulminante, F. 2014: *The Urbanization of Rome and Latium From the Bronze Age to the Archaic Era*. Cambridge.
- Gilbhard, Th. 2012: *Vicos Denkbild. Studien zur Dipintura der Scienza Nuova und der Lehre vom Ingenium*. Berlin.
- Greco, E., Lombardo, M., 2012: La colonizzazione greca: modelli interpretativi nel dibattito attuale. In: *Alle origini della Magna Grecia. Mobilità, migrazioni, fondazioni. Atti del 50° Convegno internazionale di studi sulla Magna Grecia, Taranto, 2010*. Taranto. 1, 37–60.
- Jong, S. de 2014: *Rediscovering Architecture. Paestum in eighteenth-century architectural experience and theory*. New Haven–London.
- Kyrieles, H. 1996: *Der große Kuros von Samos*. Bonn.
- Lang, F. 2007: House – community – settlement: the new concept of living in Archaic Greece. In: R. Westgate, N. Fisher, J. Whitley (eds), *Building communities. House, Settlement and Society in the Aegean and Beyond* (British School at Athens Studies, 15), London, 183–193.
- Lavin, S. 1992: *Quatremère de Quincy and the Invention of a Modern Language of Architecture*. Cambridge (Mass.).
- Longo, F. 2012: *Le mura di Paestum. Antologia di documenti, dipinti, stampe grafiche e fotografiche dal Cinquecento agli anni Trenta del Novecento*. Paestum.
- Massara, G. 1986: L'immagine letteraria di Paestum. In: Raspi Serra 1986, 102–117.
- Mertens, D. 1993: *Der alte Heratempel in Paestum und die archaische Baukunst in Unteritalien*. Mainz.
- Mertens, D. 2006: *Städte und Bauten der Westgriechen*. München.
- Miller, T. 1997: *Die griechische Kolonisation im Spiegel literarischer Zeugnisse*. Tübingen.
- Osborne, R. 1998: Early Greek colonization? The nature of Greek settlement in the West. In: N. Fisher, H. van Wees (eds), *Archaic Greece: New Approaches and New Perspectives*. London, 251–269.
- Raspi Serra, J. (ed.) 1986: *La fortuna di Paestum e la memoria moderna del dorico 1750–1830* (Catalogo della mostra). Firenze.
- Schwandner, E.-L. (Hrsg.) 1996: *Säule und Gebälk. Zu Struktur und Wandlungsprozess griechisch-römischer Architektur: Bauforschungskolloquium in Berlin vom 14.–18. Juni 1994 veranstaltet vom Architekturreferat des DAI*. Mainz.
- Vlassopoulos, K. 2007: *Unthinking the Greek Polis: Ancient Greek History beyond Eurocentrism*. Cambridge.
- Wilson Jones, M. 2014: *Origins of Classical Architecture: Temples, Orders, and Gifts to the Gods in Ancient Greece*. New Heaven–London.
- Zuchtriegel, G. 2016: Colonisation and hybridity in *Herakleia* and its hinterland (southern Italy), 5th to 3rd centuries BC. *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité* 128–1 (forthcoming).